

К тому же она была переоформлена, и на ней не видно никаких повреждений. Мастер, который занимался оформлением, действительно был профессионалом, но если бы бумага была плохой, все было бы напрасно. Тан Инь был великим художником, и он зарабатывал на жизнь продажей картин, поэтому он не стал бы использовать плохую бумагу.

Конечно, главное то, что я видел другие подлинники Тан Иня, и печати, и подписи на них абсолютно идентичны. Иначе я бы не был так уверен.

Последняя фраза была немного скромной. Если бы он не был настоящим знатоком, он бы не смог заметить столько деталей.

— Я думаю, что это изображение его дочери, которая позже вышла замуж за сына его друга, — сказал Ван Шуай, и Сюй Эр был поражен. Ведь если человек может увидеть столько деталей на картине, его уровень мастерства явно выше, чем он сам о себе говорит.

— Почему именно дочь? А не одна из его возлюбленных? Ведь он даже рисовал эротические сцены, — Лю Хуэй с любопытством вмешался в разговор. Он, может быть, и не знал многого о других, но Тан Инь был знаменитым художником, главным героем «Трех улыбок».

Недавно вышел фильм под названием «Тан Боху соблазняет Цюй Сян», очень смешной. Я вчера с женой его смотрел.

— Отойди, посмотри на девушку на картине. Ей лет двенадцать-тринадцать, она явно еще живет в родительском доме, и в ней нет ни капли вульгарности. Посмотри на печать — она была сделана Тан Инем в зрелом возрасте. Соединив эти факты, можно предположить, что это его дочь, — Ван Шуай с презрением посмотрел на Лю Хуэя, словно хотел выгнать его. Тот совсем не умел ценить искусство.

— Логично. Место на картине явно домашнее, и в древности вряд ли бы позволили мужчине войти в дом, чтобы нарисовать девочку, — Сюй Эр кивнул, считая анализ Ван Шуая разумным.

— Кроме того, Тан Инь был известным ловеласом, и даже другу вряд ли позволили бы просто так войти в женскую половину дома, — хотя сам Ван Шуай считал, что его кумир был человеком с принципами, другие могли думать иначе.

— Тоже верно. Брат Ван, ты действительно мастер. Я бы никогда не смог увидеть столько деталей. Я только знаю, что это подлинник, но сам бы не смог это определить, — Сюй Эр знал свои слабости и не стеснялся их признавать.

— Значит, брат, тебе не особо интересны каллиграфия и живопись. А чем ты увлекаешься? — Под словом «увлекаешься» Ван Шуай подразумевал, в чем Сюй Эр специализируется.

Антиквариат делится на четыре категории: керамика, каллиграфия и живопись, изделия из нефрита и прочие предметы. Каждый коллекционер обычно специализируется на одной или двух категориях. Тех, кто разбирается во всех четырех, мало, и, по сути, никто не станет утверждать, что он знает все. Если кто-то так говорит, его сразу сочтут дилетантом.

— Я больше разбираюсь в прочих предметах, с нефритом тоже неплохо, но в основном это древний нефрит. С керамикой знаком, но только периода Мин и Цин, и часто ошибаюсь. А с каллиграфией и живописью почти не знаком. Хотя стиль «Тонкое золото» Чжао Цзи я изучаю, сейчас как раз практикуюсь, — Сюй Эр почесал голову, честно признавая свои сильные и слабые стороны.

— Эй, у тебя дома есть подлинник Чжао Цзи? — Ван Шуай сразу ухватился за эту информацию.

— Да, я его привез, — Сюй Эр привез «Тысячесловие» для участия в предстоящем конкурсе сокровищ.

Это чаепитие было лишь разминкой, а через три дня начнется настоящий конкурс.

Каждый участник должен был представить один предмет, который выставлялся на обозрение. Сначала несколько авторитетных экспертов давали свои оценки, а затем участники голосовали. Тот, кто набирал больше всего голосов, становился «Королем сокровищ» года.

Сюй Эр не был заинтересован в этом титуле, но Старейшина Го очень хотел, чтобы он участвовал.

Чтобы порадовать учителя, Сюй Эр пришлось привезти «Тысячесловие» на конкурс.

Изначально Старейшина Го хотел, чтобы Сюй Эр привез сине-белый фарфоровый сосуд, но Старейшина Чжан сказал, что кто-то уже привез предмет из сине-белого фарфора с изображением человека, и по сравнению с ним сосуд Сюй Эра выглядел бы слабо.

В итоге Сюй Эр решил привезти «Тысячесловие», ведь это была работа императора, к тому же великого каллиграфа, которая могла бы соперничать с сине-белым фарфором.

— Брат, ты тоже участвуешь в конкурсе? — Ван Шуай сразу понял намерения Сюй Эра.

— Да, учитель настоял, и я привез, чтобы он не расстраивался, — Сюй Эр вздохнул. С таким учителем, который вел себя как ребенок, было и трудно, и приятно.

— Тогда не показывай его сейчас, подожди три дня, — Ван Шуай похлопал его по плечу с сочувствием:

— Это правило: предметы для конкурса нельзя показывать заранее.

Затем Ван Шуай достал недавно приобретенное нефритовое кольцо, и они с Сюй Эром начали обсуждать его.

Лю Хуэй тоже время от времени вставлял свои комментарии, и было видно, что он тоже разбирается в нефрите.

Хотя сам Лю Хуэй утверждал, что его специализация — это древние книги и керамика, а с нефритом он знаком лишь на уровне любителя.

Но Сюй Эр считал, что Лю Хуэй скромничал, ведь его замечания были полезными, что говорило о его глубоких знаниях в этой области.

Трое разговаривали с удовольствием, а затем присоединились к другим группам, где обсуждали каллиграфию, живопись и керамику. Нефритовых изделий было всего несколько, зато на выставке было много предметов, связанных с даосизмом.

По словам Ван Шуая, это было связано с тем, что среди участников были несколько очень набожных богачей, которые, по сути, пришли продать свои коллекции.

Сюй Эр пожал плечами. Ведь он сам пришел сюда, чтобы продать что-то. В этом они были похожи.

Ван Шуай посмотрел на Сюй Эра с видом взрослого, объясняющего ребенку:

— Они привезли не лучшие свои вещи. Это разведка, чтобы найти покупателей, а потом уже показать то, что действительно хотят продать. Это называется «продавать знатокам». А ты просто хочешь продать картину, причем только тому, кто разбирается в живописи. Ты не продаешь картину, ты ищешь зятя.

Картина Сюй Эра очень заинтересовала Ван Шуая, но у него не было достаточно денег, чтобы купить ее, и он не мог предложить равноценный обмен. Поэтому ему пришлось с сожалением отказаться от идеи.

Однако Ван Шуай договорился с Сюй Эром, чтобы тот пока не продавал картину, а он постарается найти деньги.

Сюй Эр был не против, видя, что Ван Шуай действительно ценит картину, и согласился не продавать ее в ближайшее время.

На следующий день Сюй Эр снова пришел на выставку, но на этот раз один.

Он нес большой сверток и, найдя свободное место, развернул его. Внутри оказалась статуя Будды Майтрейи, которую он купил в столице.

Эта явная подделка сразу привлекла внимание.

Большинство лишь усмехнулись и отворачивались, а некоторые смотрели на Сюй Эра с разочарованием, считая, что он просто хочет привлечь внимание.

Сюй Эр тоже чувствовал себя неловко, но ничего не мог поделать.

Он долго изучал эту статую, почти каждый день рассматривая ее.

И вот вчера, из-за того, что глаза устали, он лег спать, держа в руках внутреннюю пилюлю. Наутро он обнаружил, что пилюля, размером с жемчужину, превратилась в порошок.

А его глаза теперь могли видеть сквозь предметы.

Теперь, взглянув на что-либо, он мог увидеть его внутреннюю структуру, хотя изображение было черно-белым. Это новое умение обрадовало Сюй Эра.

Утром, перед выходом, он случайно взглянул на статую Будды и, по привычке, попытался увидеть ее изнутри. К своему удивлению, он обнаружил внутри прямоугольный предмет, который явно был вставлен туда искусственно.

Прямоугольник находился в мешке, на котором лежал Будда. Большая его часть была скрыта, и только маленький уголок выглядывал наружу.

Сюй Эр не знал, как достать предмет, боясь повредить его.

Внутри были две печати, одна из них была простой, без украшений, но Сюй Эр боялся задеть ее нижнюю часть, которая была самой важной.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16299/1470339>